

Рекомендуем материалы
раздела библиотеки
«История идей»
<http://istmat.info/node/29200>

Вопросы истории. 1948, № 8 Черняк Ефим Борисович

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ РАДИКАЛОВ В ГОДЫ ПОСЛЕ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Первые годы после окончания наполеоновских войн были для Англии периодом тяжёлых испытаний. Экономика страны была до основания потрясена кризисами 1816 и 1819 годов. Доведённые до отчаяния беспросветной нищетой, дороговизной, безработицей и несправедливостью, массы промышленного пролетариата и полупролетарские слои Ланкашира, Йоркшира, Уорвикшира, Ланаркшира и других индустриальных районов Англии и Шотландии вместе с мелкой промышленной буржуазией этих округов втягивались в широкое демократическое движение, направленное против блока правящих классов — аристократии, сквайров, верхушки буржуазии.

Движение приняло форму борьбы за радикальную демократическую реформу государственного строя Англии. Речь шла о реформе парламента. Это движение было временно подавлено правительственными репрессиями, которые осуществлялись стоявшим у власти торийским правительством при активной поддержке всей массы крупных землевладельцев и крупной буржуазии.

В 1819 г. радикальное движение возродилось и стало развиваться с новой силой. После знаменитого кровавого манчестерского побоища «Питерлоо» (16 августа 1819 г.) к радикалам на короткий срок по всей стране примкнули широкие массы городской мелкой буржуазии. Даже средняя буржуазия и часть крупной, не сливаясь с радикальным лагерем и относясь к нему враждебно, всё же демонстрировали свою оппозицию к торийскому кабинету.

На деле, однако, буржуазия помогла правительству организовать новую волну репрессий против радикалов («6 законов Кэстльери» в конце 1819 года). Левое крыло радикальных вождей, опираясь на пролетариат индустриальных округов, попыталось перейти к революционным методам борьбы. Однако подточенное внутренними противоречиями, значительно обострившимися после того, как в движение в 1819 г. были вовлечены новые социальные слои, а также под влиянием изменившейся обстановки радикальное движение в 1820 г. постепенно сходило на-нет.

Наиболее важные проблемы истории Англии в бурное пятилетие после наполеоновских войн (экономические кризисы, история радикального движения и т. д.) ещё не подвергались марксистскому анализу. То немногое, что рассказывает буржуазная историография о демократическом движении этих лет, представляет большей частью вольную или невольную фальсификацию действительности. В частности, совсем не изучена в литературе идеология радикального движения¹. Если не считать

¹ Не желая менять общепринятый термин «радикалы» для обозначения деятелей движения 1816—1820 гг., мы употребляем его, однако, в более узком смысле, чем это принято делать в английской буржуазной историографии, тенденциозно триумфирующей радикализму под либерализм и зачисляющей в радикалы даже левых влиятельных деятелей типа Брума. Радикалами автор называет в данной статье всех деятелей демократического лагеря, но не только сторонников левого течения (среди которых имелось немало революционеров), но и представителей умеренного крыла, которых нельзя всё же смешивать с буржуазными либералами.

немногих страниц в работе Коля, посвящённых произведениям Коббета², то нет ни одной серьёзной работы, исследующей эту тему. Между тем то была идеология массового демократического движения, в котором впервые в мировой истории наряду с предпролетарскими, полупролетарскими и мелкобуржуазными массами участвовали десятки тысяч промышленных пролетариев. Это движение держало в напряжении всю буржуазную Англию. Оно оставило значительные литературные памятники в виде радикальной прессы³, которую тогда читали во всех уголках страны, памфлетов, трактатов, отчётов о митингах и т. д.⁴

★

Основы радикальной платформы были сформулированы задолго до 1816—1820 годов. Требование полной реформы избирательного права и ежегодного переизбрания парламентов восходит ещё к середине XVII века. Влияние английской либеральной и демократической традиции было впоследствии усилено воздействием французской просветительской философии. Экономическая платформа радикализма зародилась в середине XVIII в. и получила некоторое развитие в работах Пэна и «английских якобинцев» конца века. Однако в послевоенные годы изменились социальный состав и самый характер движения. Произошли значительные сдвиги и в идеологии господствующих классов, а это должно было привести к существенным изменениям радикальной платформы и придало новый смысл старым взглядам и лозунгам. Сказалось это, в частности, и на философско-исторических воззрениях радикализма.

Формированию этих воззрений способствовали теория естественного права (она оказывала преобладающее влияние), отдельные положения теории Бёрка и в незначительной степени утилитаризм Бентама⁵.

К теории естественного права в XVIII в. англичане обычно присоединяли чуждые ей элементы. В тот период в Англии не было оформленного значительного политического течения, которое ставило бы своей задачей радикальную ломку всей политической системы страны в целом. Политические теории английской либеральной оппозиции XVIII в. тяготели к идеализации старой английской конституции; аномалии же политического устройства объяснялись отклонениями от традиции. Этим освящалось требование частичных реформ, которые должны были якобы лишь устранить нарушения старинных конституционных принципов.

Любопытно, что многие радикальные вожди решительно не сочувствовали этой идеализации «доброй старой Англии». «Мы только лишь вырвались, — писал один из наиболее популярных радикальных журналистов, Ричард Карлайль, — из мрака и невежества... мы не знаем в англий-

² Cole G. «The life of W. Cobbett». 1925.

³ Радикальные газеты этого периода подвергались изучению лишь в работе Wickwar'a («The Struggle for the freedom of the press 1819—1832». 1928), посвящённой анализу положения прессы в те годы.

⁴ До осени 1819 г. радикальные газеты были единственными органами печати, доступными по своей цене для широких масс. Не публикуя новостей и печатая лишь статейный материал, радикальные издания не облагались высоким штемпельным сбором, который чрезвычайно удорожал стоимость других газет. Тираж газеты Коббета достиг в 1816 г. 60—70 тыс. экземпляров, тогда как наиболее распространённые ежедневные газеты («The Times», «The Courier», «The Morning Chronicle» и др.) расходились в этот год в количестве 4—6 тыс. экземпляров. Simpson «The early days of the nineteenth century in England». Vol. II, p. 259. 1898. Радикальные газеты пересматривали из района в район, публично читали в специально организованных рабочих клубах, так что один экземпляр обслуживал десятки людей (см., например, «The Trials for high treason in Scotland, etc. 1825. Vol. II, p. 144, 192; «The Times», 10, 25 августа 1819; «The Morning Chronicle», 20 сентября 1819 г., и др.

⁵ Основатель учения утилитаризма имел мало поклонников в радикальном лагере, однако, поскольку Бентам, хотя бы на словах, выражал своё согласие с программой радикальной реформы, он был желанным союзником радикалов.

ской истории — нет, даже во всеобщей истории — периода, который стоило бы отметить ради иной другой цели, чем для того, чтобы избежать его заблуждений...»⁶.

Несмотря на это и в начале XIX в. в радикальном лагере господствовало традиционное преклонение перед идеализированными старыми английскими «сводами». Радикальные митинги требовали «восстановления» старой конституции: народ не может удовлетворить «что-либо меньшее, чем эта конституция, вся эта конституция и ничто кроме этой конституции»⁷. Радикальные вожди утверждали, что они желают «больших изменений», но не хотят «ничего нового»⁸, и доказывали законность своих требований ссылками на десятки средневековых статут⁹.

Тот же Карлайль, оценивавший прошлое страны как период невежества и угнетения, соглашался с другими вождями демократического движения, утверждавшими, что радикалы требуют лишь восстановления прав, ранее принадлежавших народу¹⁰.

Идеализация старинных порядков в эти годы исходила от широких народных масс, впервые втянутых в политическую жизнь. Их пробуждение было следствием тех порождённых промышленным переворотом широких социальных сдвигов, которые выбили сотни тысяч людей из привычных рамок жизни и привели целые общественные слои от относительно благополучия к тягчайшим лишениям. Таким образом, если в XVIII в. идеализация старых порядков была связана с модерантизмом, то у радикалов после наполеоновских лет она была скорее приёмом критики новых общественных отношений и отражала желание подвергнуть их коренной ломке.

Философско-исторические взгляды радикалов страдали идеализмом и антиисторизмом. Радикалы, третируя, подобно большинству сторонников теории естественного права и бентамистов, предшествующую историю как собрание ошибок, глупостей и невежества, делали исключение лишь для периода, когда действовала «старинная свободная конституция». Уклонение от неё радикалы рассматривали не как неизбежное и закономерное на определённом этапе исторического развития явление, а как результат чьей-то злой воли или ошибок. Радикальной доктрине была чужда идея поступательного движения общества, идея развития.

В итоге идейная борьба того периода являла причудливую картину. Сторонники органической теории, утверждавшие идею развития как имманентно присущую обществу, вместе с тем на практике отвергали всякие «новшества». Чуждые идеи развития радикалы выступали глашатаями коренных перемен. Попытки ториев оставить неизменной английскую конституцию представлялись радикалам её изменением, а предлагаемое ими изменение конституции — сохранением её «в первоначальной чистоте».

⁶ «The Republican» от 26 мая 1820 года. Ср. мнение одного радикального публициста Вулера «The Black Dwarf» от 26 января 1820 г., 15 октября 1823 г. и др.

⁷ «The Black Dwarf» от 28 июля 1819 года.

⁸ «Cobbett's weekly political register» от 3 ноября 1816 года.

⁹ Некоторые из них считали, что конституция Англии вырождалась постепенно, другие называли «точные даты» гибели английских свобод: эпоха норманского завоевания, царствование Генриха VIII, Елизаветы и т. д., часто даже период правления Питта Младшего.

¹⁰ «The Republican» от 27 августа 1819 г.; ср. «The Black Dwarf» от 16 июля 1817 года. В качестве «средней линии» радикалы (например, Вулер, Коббет и др.), признавая достоинство старых порядков, часто подчёркивали, что их в будущем следует не только восстановить, но и улучшить в соответствии с требованиями Разума, или доказывали, что старинные законы Англии полностью тождественны «естественным законам». См., например, «The Black Dwarf» от 29 апреля 1818 г., «Cobbett's weekly political register» от 27 марта 1819 года. Ср. также резолюции митингов в Миддлтоуне и Эштонге (напечатано в «The Black Dwarf» от 20 мая, 8 июля 1818 года).

Как же представлял себе радикальный лагерь структуру английского общества, столкновение интересов различных классов?

Радикальная газета «Горгона» важнее всего считала выяснить, какие слои английского общества выиграли бы, а какие проиграли бы в случае победы демократической реформы парламента. Разумеется, реформа выгодна всем «производительным классам» (к которым газета относала рабочих, ремесленников и мелких торговцев, а также промышленников, купцов, сельских джентльменов). Более того: по мнению газеты, реформа была выгодна даже для держателей государственных бумаг (хотя радикалы обычно рассматривали «владельцев фондов» как главную опору торийской олигархии)¹¹. Реформа, по существу, противоречила интересам одной правящей кляки (которую радикалы чаще всего называли «торговцами бургами», намекая на пресловутые «гнилые местечки»), а также интересам англиканского духовенства, различных чиновников, собирающих налоги, и в особенности держателей синекур.

Иногда радикальная пресса противопоставляла лиц, плативших налоги, лицам, живущим от налогов; последние в условиях существовавшей олигархической системы наживались и являлись её главной опорой. Даже земельную аристократию радикалы, армию которых составляли городские пизы, ненавидели прежде всего не как владельцев земли, а как политическую олигархию, как «держателей фондов», в чьих интересах и был создан громадный государственный долг¹².

Второй вопрос, который должны были поставить перед собой радикалы: не существуют ли антагонистические противоречия внутри «народа», противостоящего «торговцам бургами»?

Вопрос этот решался радикалами в отрицательном смысле. «Тот, кто обладает собственностью, является естественным союзником того, кто её не имеет», — объявлял Вулер. Если весь народ не объединится, то олигархия раздавит тех и других. Кроме того не в интересах богатых доводить бедных до отчаяния¹³.

В той или иной степени эти мысли можно встретить у всех радикальных публицистов и в выступлениях на митингах в промышленных округах. Было бы большой ошибкой смешивать подобные взгляды с теориями единства классовых интересов, которые на основании мальтузианских и фритредерских доводов сознательно проповедывал противостоявший радикалам лагерь правящих классов Англии. В то время как английская буржуазия уже отчётливо видела те противоречия, которые разделяли её и аристократию, а главное, её и народные массы, мелкобуржуазные иллюзии радикалов позволяли им различать лишь антагонизм интересов олигархии и «нации в целом». Себя они считали представителями интересов всего угнетаемого олигархами населения. Жизнь, однако, противопоставляла этому мнимому единству «нации в целом» борьбу буржуазно-аристократического блока с народными массами. Радикалы не могли не видеть, что на стороне правительства стоит значительная часть буржуазии, но они считали позицию последней плодом недомыслия с её стороны. И только левое крыло радикальной публицистики не уклонялось от резкой критики поведения буржуазии, её хищничества, её готовности обречь на страдания и смерть тысячи людей ради интересов собственного кармана¹⁴. Со страниц левых радикальных газет устами левых ради-

¹¹ «The Gorgon» от 2, 5, 8 августа 1818 г.; почти совершенно аналогичное деление производит и Вулер («The Black Dwarf» от 23 апреля 1817 года).

¹² См. «The Black Dwarf» от 20 мая, 5 августа 1818 года. Например, см. «Selection from Cobbe't's political Works», Vol. VI, p. 281. Лидер крайнего левого крыла радикалов А. Тействуд писал: «Фонды принадлежат в основном земельной аристократии» («The Times» от 25 октября 1819 года).

¹³ «The Black Dwarf» от 12 февраля 1817 года.

¹⁴ Например, см. «The Black Dwarf» от 23 июля 1817 г., 27 января 1819 года.

кальных вождей говорили массы, которые ещё не осознали коренного антагонизма труда и капитала, но всеми условиями своего существования обучались ненависти не только к правительству, но и ко всей группе крупных собственников. Лишения трудящихся достигли предела, писала «The Medusa», терпение истощается, скоро высшие классы услышат «гневный голос мщениа»¹⁵.

В периоды резких взрывов классовых антагонизмов в промышленных округах, например во время крупных ланкаширских стачек 1818 г., вся радикальная пресса, не умея оценить значение и смысл происходивших событий, становилась всё же на сторону рабочих. На страницах радикальных газет появляются грозные филиппики против хозяев, до предела снижавших плату за труд и заставлявших своих рабочих работать по 14 или даже 16 часов в сутки. Некоторые радикалы (например, Вулер) считали существование традиционных экономических не оправданным, но одновременно протестовали против обвинения рабочих в создании тайных союзов: хозяева ведь открыто организуют их, а «бедняка считают преступником, если он осмеливается вступить в соглашение, чтобы обеспечить себе за труд такую цену, какую он стоит»¹⁶. Другие органы радикальной прессы под видом писем читателей помешали воззвания с призывом организовать единый профсоюз для всех рабочих Англии¹⁷.

Фактически и левые и правые радикалы не одобряли забастовок, считая, что они не достигают цели, поскольку не могут привести к уничтожению основы всех зол — олигархической системы. Однако левые радикалы требовали, чтобы буржуазия, которая поддерживает эту систему, несла и её издержки, а не пыталась переложить их на рабочих¹⁸. Больше того: участие масс в борьбе против аристократического лагеря, поддерживаемого крупной буржуазией, неизбежно толкало радикальную мысль на поиски более серьёзных причин, породивших союз верхушки средних классов с олигархией.

«Этот союз, — писал Коббет рабочим, — заключен за ваш счёт. Фабриканты хорошо знали, что, не будь судебного террора, рабочие потребовали бы справедливой оплаты за труд и не позволили бы наживать целые состояния на их нищете»¹⁹.

«Акт о коалициях, — писал «The Republican», — был обыкновенной сделкой между торговцами бургами и крупными промышленниками. Первые получили право покупать труд рабочего по им же назначенной цене и предоставили олигархии право грабить и угнетать народ налогами и поборами. В этом секрет того, почему фабриканты на стороне врагов народа»²⁰. Вани предприниматели, писала, обращаясь к рабочим, газета «The Medusa», соединились с олигархией, чтобы угнетать вас. «Вычеты, которые они делают из вашего заработка, превышают всякое воображение». Они не останавливаются ни перед чем, «для придания своим деспотическим мерам полной силы и эффекта, отбрасывают в сторону мелкие частные разногласия и вступают вопреки закону в союзы, чтобы сообщать подавлять и порабощать рабочего человека. До тех пор, пока вы разрозненны, нелепо и иллюзорно лстыть себя надеждой на улучшение положения». «Следуйте примеру ваших предпринимателей и объединяйтесь». «Пока вы действуете в одиночку, вы слабы и должны пасть при первом ударе деспотической власти, направленной против вас: объединившись

¹⁵ «The Medusa» от 29 мая 1819 года.

¹⁶ «The Black Dwarf» от 19 августа 1818 года. Ср. 29 июля, 9 сентября 1818 года.

¹⁷ «Sherwin's weekly political register» от 8 августа 1818 года. Эти воззвания действительно повторяли агитационный плакат, который развешивали в Манчестере бастовавшие фабричные рабочие-прядильщики. См. материалы архива Home office у J. and B. Hammond, «The Town Labourer», p. 366, sqq. 1925.

¹⁸ «The Black Dwarf» от 19 августа 1818 года.

¹⁹ «Cobbe't's weekly political register» от 19 декабря 1818 года.

²⁰ «The Republican» от 17 сентября 1819 года.

в союзы филантропического Геркулеса²¹, вы вполне сможете очистить авгиевы конюшни разврата и коррупции и поставите ваших надменных угнетателей в то общественное положение, из которого им по их способностям никогда не предназначалось выдвинуться»²².

Таким образом, со страниц части радикальной прессы, иногда помимо её воли, раздавался призыв к борьбе не только против правительства, но и против всех его буржуазных союзников, объединившихся с ним «во имя собственных эгоистических и торгашеских выгод»²³.

Первопричиной всех зол радикальная доктрина считала политическое неравенство, которое даёт олигархии возможность удерживать власть над страной и при помощи целого ряда своеобразных мероприятий перекладывать созданное народным трудом богатство в карманы «торговцев бургами» с их присными.

Основное средство, при помощи которого олигархия грабит народ, радикалы видели в чудовищном налоговом гнёте, который являлся в их глазах причиной всех экономических бедствий, переживаемых страной. Налог, объявила одна часть радикалов, забирают у промышленников такую часть капитала, что приходится свёртывать производство и выбрасывать на улицу рабочих²⁴. Эта мысль, плохо согласующаяся с филиппиками радикалов против наживавших «княжеские состояния» промышленников, фактически представляла собой лишь видоизменённую и включённую в общую систему радикального мировоззрения идею, которая неизменно фигурировала в петициях промышленников и ремесленников, ходатайствовавших об отмене тех или иных стеснительных законов. Но она оказалась несостоятельной при объяснении жестокого кризиса перепроизводства, который переживала в те годы Англия. Поэтому Коббет попытался дать ему иное объяснение, не порывая с основными положениями радикальной доктрины. Он исходил из мысли о губительной роли бумажных денег. Эта мысль была развита им ещё в 1810 г. в статьях в «Political Register» о местных банках и в «Paper against Gold» и представляла развитие идеи Пэна. Банк, писал Коббет, в 1815—1817 гг. уменьшил количество банкнот, их реальная ценность возросла, цены упали, и за свои продукты промышленник и ремесленник стали получать меньше, тогда как налоги остались прежними. Понятно, что массы людей ничего не могли купить²⁵.

Однако данная теория Коббета не вошла полностью в арсенал радикалов. Это легко понять. В годы войны, когда формировались взгляды Коббета, увеличение налогового бремени широкими массами ощущалось прежде всего как рост цен, причиной которого считали увеличение количества бумажных денег. В послевоенный же период господствующая финансовая система обернулась для масс ростом тяжести налогов и безработицей, отсутствием спроса на изделия их труда, падением не только реальной, но и номинальной заработной платы²⁶.

Другие лидеры радикалов пытались доказать, что налоговое бремя порождает кризис вследствие уменьшения покупательной способности

²¹ Так рабочие называли объединение тредюнионов, которое они пытались организовать в 1818 году.

²² «The Medusa» от 3 июля 1819 года.

²³ Там же.

²⁴ См., например, резолюцию митинга в Бэрнсли 30 декабря 1816 г. («The Manchester political register» от 18 января 1817 года).

²⁵ «Cobbett's weekly political register» от 29 августа 1818 года. Ср. 12 сентября 1818 года. Ср. адрес Лондонского комитета радикалов, возглавляемого осенью 1819 г. Тистлвудом. Napier V. «The Republican» от 12 мая 1820 года. Ср. мнение известного манчестерского радикала Джозефа Джонсона («The Black Dwarf» от 23 июня 1819 г.). Ср. резолюцию митинга в Стокпорте («The Black Dwarf» от 6 июля 1819 года).

²⁶ В этих условиях родилась и прямо противоположная взглядам Коббета теория Аттвуда.

и вследствие увеличения издержек производства, что понижает способность английских товаров конкурировать на иностранных рынках²⁷. Наконец, резолюции митингов рабочего и ремесленного люда давали ещё один вариант этой же теории: покупательная способность масс снижается и в результате прямого уменьшения заработной платы хозяевами²⁸.

Во время второго кризиса 1819 г. была сделана новая попытка объяснить причины кризиса, на этот раз с учётом того факта, что перепроизводство произошло в значительной мере вследствие переполнения иностранных рынков английскими товарами. Глашатаем этого объяснения кризиса выступал Вулер.

Основные линии его теории сводились к следующему. Заработная плата хозяевами снижена, а цена на продовольствие искусственно повышена налогами. Рабочие и ремесленники поэтому вынуждены трудиться по 16—17 часов в сутки, чтобы заработать прожиточный минимум. В результате: перепроизводство и затопление рынков товарами. Депрессия вызывает новое падение заработной платы. Рабочие вынуждены производить ещё больше товаров и т. д. Между тем налоги, повышая издержки производства, не позволяют слишком снижать цены, что увеличивает кризис²⁹. Теория кризиса Вулера также явилась лишь видоизменением мыслей, часто выдвигаемых рабочими в ходе стачечной борьбы.

Теория кризиса радикалов (во всех её вариантах) была направлена как против торийской версии, объяснявшей его переходом от войны к миру и застою торговли в других странах, так и против вигской, усматривавшей главную причину кризиса в неожиданных изменениях «каналов торговли» в связи с окончанием войны и в ненавистных для поклонников Смита и Мальтуса протекционистских пошлинах и налогах на бедных.

Нет необходимости останавливаться на явных несообразностях теории кризисов, проповедовавшейся радикалами. Важнее понять те причины, которые породили её сильные и слабые стороны.

Радикальная теория была органически связана с политической борьбой против правительства и его союзников. В своей основе это была «плебейская» теория кризиса, которая смотрела на явления кризиса глазами народных низов. Для деревенских и городских пролетариев, да отчасти и для примыкавших к ним значительных групп ремесленников и мелкой промышленной буржуазии, составлявших армию радикалов, кризисной была вся эпоха после начала Французской революции и в особенности начиная со второй половины наполеоновских войн. Для широких масс годами лишений были и периоды «просперити» с их чудовищно высокими ценами на продукты питания и периоды низких цен, сопровождавшиеся массовой безработицей. Пауперизм — основной показатель кризиса в глазах радикалов — рос и в период «просперити». Следовательно, причины кризиса надо было искать глубже, в каком-то постоянно действующем факторе, на что радикальные газеты и митинги прямо и указывали. Так возникла радикальная теория кризиса, рассматривавшая его как неизбежное и закономерное порождение существующих политических (и социальных) условий³⁰.

²⁷ «The Medusa» от 3 июля 1819 года.

²⁸ См., например, резолюцию трикотажников, напечатанную у Hammonds «The town labourers», p. 303. Этот аргумент рабочие часто приводили, когда требовали повышения заработной платы; см. «Leeds Mercury», цит. «The Times» от 20 июля 1819 г., «The Times» от 1 июня 1819 г. и др. Идея этой причиной рабочие митинги объясняют и самый рост налогов: старые косвенные налоги перестают приносить прежний доход, так как резко сократилась покупательная способность народа. Правительство должно поэтому вводить новые налоги. «Sherwin's weekly political register» от 8 августа 1818 года.

²⁹ «The Black Dwarf» от 23 февраля 1820 года.

³⁰ Отметим кстати, что правое крыло радикалов было склонно делать из радикальной теории кризиса тот вывод, что, поскольку причины экономических потрясений

Исходя из основных философско-исторических, социологических и политико-экономических положений радикальной доктрины, можно понять отношение демократического лагеря к различным социальным и политическим проблемам дня. В рамках данной статьи мы можем упомянуть лишь те основные, злободневные вопросы, которым радикальная пресса отводила много места. Прежде всего это хлебные законы, против которых в те годы народные массы и радикалы выступали значительно чаще и резче, чем промышленная буржуазия. Затем это вопросы церковной десятины и существования государственной церкви, отвергавшейся радикалами. В число этих вопросов входила также пресловутая теория народонаселения Мальтуса — «безграмотного и бесстыдного попа», по определению Коббета³¹. Наряду со многими радикалами Коббет подчёркивал, что причины пауперизма коренятся не в природных, а в социально-политических причинах («Ваш закон природы заседает в Вестминстере») ³². Наконец, это были вопросы сохранения пособий для бедных, касс взаимопомощи, эмиграции, роли машин в возникновении безработицы. Радикалы отказывались вместе с луддитами видеть причину безработицы в самых машинах, с Оуэном — в капиталистическом применении машин, с фритредерами — в протекционистских пошлинах и пр. и объясняли происхождение безработицы, исходя уже из известной нам теории кризисов. Значительное место уделяла радикальная пресса и оценке тех грандиозных событий, свидетелем которых была Европа со времени Французской революции (её значение радикалы, к слову сказать, очень плохо понимали). Она осуждала деспотизм Священного союза и выражала сочувствие борьбе южноамериканских, испанских и итальянских революционеров.

★

Единственным лекарством против всех зол, важнейшей предпосылкой любых улучшений радикалы считали изменение политической структуры страны.

Демократическая интерпретация теории общественного договора, которой следовали радикалы, подчёркивала роль государства как защитника прав человека, а не права собственности³³. Нынешнее же английское государство, указывали радикалы, служит лишь угнетению народа и обогащению кучки олигархов. Эти взгляды радикалов сочувственно воспринимались широкими массами, они вполне соответствовали тому представлению об английском государстве, которое складывалось тогда в народных низах. Перед глазами рабочих и ремесленников стоял пример государства, откровенно и цинично покровительствовавшего капиталу. В сознании народных масс государство превращалось в силу, подавляющую их свободы, дающую власть в руки предпринимателя и мирового судьи.

Радикальная идеология намечала и выход из создавшегося положения: надо вновь построить государство на основе общественного договора. Достигнуть этого можно завоеванием власти, которое мыслилось как передача власти в руки всего, единого и суверенного, народа.

Коренятся в политическом строе страны, не следует сваливать вину за лишения рабочих на «злую волю предпринимателей», как выразился один из ораторов на митинге в Йоркшире («Leeds Mercury», цит. по «The Times» от 3 августа 1819 года). Вулер, Шервин, Карлайль, напротив, подчёркивали, что промышленники поддерживают олигархическую систему, а её издержки перекладывают на народ.

³¹ «Cobbett's weekly political register» от 11 сентября 1819 года.

³² Там же, от 8 мая 1819 года.

³³ Бенджамини, например Джеймс Милль, рассматривали государство прежде всего как ассоциацию для защиты собственности. Противоположную точку зрения выставляла «Декларация прав», помещённая в газете Карлайля («The Republican» от 24 сентября 1819 года).

Но жизнь, практика классовой борьбы и здесь подсказывали и массам и вождям радикалов более глубокое понимание сущности и назначения государства. Радикалы указывали на то, что везде, во всех странах, с бедными обращались почти одинаково, «как бы они ни назывались: негры-рабы или свободные англичане»³⁴. Радикальная мысль начинает всё чаще и всё глубже анализировать вопрос, кому, чьим интересам служит государство. «Главной целью всех тираний, — писала газета Шервина, — было превратить массу народа в рабов тех, кто обладает собственностью... Английское правительство всегда действовало согласно этому принципу»³⁵.

Уотсон, исходя из учения Спенса, говорил о захвате «королями, священниками, знатью и другими» собственности народа — земли; благодаря этому богачам всегда удавалось держать народ в нищете и в политической зависимости от себя. По убеждению Уотсона, «богатые всегда образуют из себя аристократию и часто — шайку олигархов», «всегда богатый вступал в соглашение с богатым против благополучия бедного»³⁶.

Один из читателей Вулера рекомендовал ему не заниматься исключительно атаками на отдельных руководящих министров, так как те — лишь добровольные марионетки «денежных тиранов биржи». Центр всей политической системы страны — эта биржа. Этот центр оставался до сих пор неведомым народу, так как он действует незримо для глаз³⁷.

Мысль о государстве как об орудии, служащем богатым для порабощения народа, заставляет некоторых радикалов по-новому ставить вопрос о средствах уничтожения этого зла. Так, Уотсон делал вывод, что все законы, касающиеся трудового люда, должны быть делом их собственных рук: «Они являются единственной опорой общества, они должны быть в единственных правительствах общественных дел»³⁸. Таким образом, пусть в наивной форме, Уотсон ставил вопрос о политическом господстве народа, об отстранении «аристократии богатых» от управления страной.

Такие взгляды в радикальной среде, в особенности если говорить об индустриальных районах, не являлись каким-то редчайшим исключением. Известный манчестерский радикал Джонсон в своём обращении к митингу в Эштон, напоминая его участникам об их нужде, политическом бесправии, о произволе властей, охраняющих богатых, писал: «Борьба идёт между крупнейшей собственностью и трудом: собственность узурпировала законодательную власть, и до тех пор, пока класс работников не добьётся решительного преобладания в палате общин... он не будет иметь никаких гарантий»³⁹.

Все радикалы считали необходимым условием любых полезных реформ коренное изменение политических учреждений страны. К чему оно должно было свестись? В основном к «радикальной реформе» палаты общин. Это была старая демократическая программа Джона Картрайта, позже превратившаяся в знаменитый «Чартер».

Требую коренного изменения избирательной системы, резко напад-

³⁴ «The Black Dwarf» от 3 июля 1822 года.

³⁵ «Sherwin's weekly political register» от 8 августа 1818 года.

³⁶ «The Shamrock, Thistle and Rose of the Focus of Freedom» от 29 августа 1819 года.

³⁷ «The Black Dwarf» от 14 мая 1817 года.

³⁸ «The Shamrock, Thistle and Rose...» от 26 сентября 1818 года. Богатые, по мысли Уотсона, должны получить в награду «право... мирно наслаждаться обладанием своей собственностью» (там же, от 29 августа 1818 г.). Источники, которые позволили бы назвать взгляды об общей системе взглядов Уотсона, к сожалению, крайне скудны. Они оставляют неясным, включал ли он целиком или частично средние классы в «аристократию богатых».

³⁹ «The Black Dwarf» от 23 июня 1819 года.

дая на личность принца-регента, радикалы не ставили, однако, вопроса об уничтожении монархии и палаты лордов (лишь группа Карлайла требовала введения республики). Оба эти учреждения были важными институтами «доброй старой Англии», которую радикалы идеализировали. Сочетание теории естественного права с идеализацией староанглийских порядков проявилось здесь в противоречивом требовании всей полноты демократических прав при сохранении королевской власти и палаты лордов.

Политическая программа радикалов, решительно отвергая попытки буржуазных либералов свести дело к борьбе за реформы, сохранявшие ограничения для масс, всё же не выходила за рамки общедемократических требований. Но сами массы видели в политических преобразованиях лишь первый шаг для широких социально-политических реформ.

★

Социально-политические планы радикалов распадаются на две неравные части. Первая из них — это довольно чёткая и в основном общепризнанная программа минимальных требований, тесно и органически связанных со всей радикальной платформой: отказ от уплаты основной части государственного долга, ликвидация десятины, хлебных законов, законов о запрещении профсоюзов. Вторая часть состояла из значительного числа разного рода неформальных, противоречивых, утопических проектов, отражавших антикапиталистические настроения и тягу к социальной справедливости у широких масс, вовлечённых в движение за реформу. Эти проекты не получили и не могли получить общего признания в радикальном лагере до тех пор, пока казалось, что осуществление экономических мер радикальной «программы-минимума» открывает перед массами «двери социального рая»⁴⁰. При этом большинство вождей радикалов осуждало всякого рода эгалитарные проекты⁴¹.

Радикалы не задавались вопросом, не достанется ли львиная доля выгод от осуществления их «программы-минимума» одним лишь средним классам. Чартисты иногда были склонны к чрезмерно резкому изображению тенденции экономических законов, считая, например, что ни отмена хлебных законов, ни налоговая реформа и тому подобные меры ничего не дадут рабочему, и из-за этого отказывались бороться за их осуществление. Радикалы, напротив, признавали подобные мероприятия спасительными, но до победы реформы недостижимыми. В результате радикалы, как впоследствии и чартисты, но по иным мотивам, решительно отвергали предложение заменить борьбу за политическую власть борьбой за отдельные экономические реформы.

Нет сомнения, что от проведения в жизнь «программы-минимум» радикалов массы ожидали коренного улучшения их материального положения. Однако, пытаясь конкретно представить себе, в чём выразится это улучшение, и рисуя себе идеал будущей счастливой жизни, народ сразу же выходил за рамки предложенных реформ.

В то время как буржуазные элементы в лагере радикалов надеялись, что новый парламент пойдёт по пути широких фритредерских мероприятий, массы, напротив, мечтали о законодательной защите бедных и часто — о возвращении социальной жизни к тем формам, которые господствовали до периода крупного фабричного производства⁴².

⁴⁰ Ср. Гаммедж «Чартизм», стр. 4. СПб. 1907. Как это часто случалось и у чартистов, наиболее радикальные в своих политических планах вожди порой оказывались самыми беспомощными и умеренными в набросках социальной программы движения, поскольку дело не касалось «программы-минимум». Таков, например, Карлайль.

⁴¹ Ср. частые заявления Гента: «Я реформатор, а не левеллер». Например, The Trial of H. Hunt Esq. J. Knight, Joseph Johnson etc., p. 146. 1820.

⁴² См., например, выступления на митинге в Глазго. «The Morning Chronicle» от 5 ноября 1819 года.

При этом надо отметить, что в социальных планах и проектах митинги в Ланкашире и в промышленных графствах Шотландии были более решительны, чем митинги в третьем центре движения — Йоркшире. Это вполне понятно: удельный вес мелкобуржуазных слоёв в радикальном движении Йоркшира был значительно большим, чем в Ланкашире или даже в Шотландии.

Наиболее важные из социальных проектов радикалов были связаны с выдвинутым Спенсом планом национализации земли. Вулер отказывался принять этот план, доказывая, что хотя земля является, по естественному праву, общей собственностью, план Спенса годен лишь для новозаселяемых стран, а в таких странах, как Англия, он несправедлив: бесспорным является, однако, право бедных возделывать пустоши⁴³. Напротив, «The Medusa» усердно проповедывала план Спенса⁴⁴, указывая, что политическая победа радикалов сделает возможным его введение⁴⁵.

Совсем робкими и неопределёнными были предложения ввести в радикальную программу элементы эгалитаризма. Так, в «Декларации прав», опубликованной Карлайлем, указывалось, что никто не имеет права захватить в своё обладание более, чем может использовать⁴⁶.

Любопытно отношение радикалов к проектам Р. Оуэна. Первый, носивший ещё в значительной степени филантропический характер, план Оуэна вызвал осуждение всей радикальной прессы. Большую роль в этом сыграло и недоверие как к самому Оуэну, так особенно и к его аристократическим соратникам⁴⁷.

Известной части радикалов была антипатична самая идея «социалистических посёлков» для безработных. Однако для большинства из них главным было убеждение в полной утопичности проекта Оуэна, противопоставляемого вполне достижимой реформе, проведение которой позволило бы, по мнению радикалов, разрешить все «проклятые вопросы» общественной жизни.

★

В общих тактических положениях демократического движения послевоенных лет отразились все особенности и противоречия социально-политических взглядов радикализма.

В основе тактики радикального движения лежали два основных положения: 1) реформа парламента — главная, первоочередная задача, без решения которой невозможны никакие другие полезные реформы; 2) реформу можно завоевать лишь активными действиями самих народных масс.

Вопросы тактики выдвигали проблему «физической» и «моральной» силы (эти выражения уже тогда были в ходу)⁴⁸. На первый взгляд казалось, что подавляющее большинство радикалов и в теории и на практике ограничивалось исключительно легальными методами борьбы. Но это не совсем верно. Анализ событий осени 1819 г. показывает, что известная часть радикалов считала при некоторых условиях насилие не

⁴³ «The Black Dwarf» от 6 января 1819 года.

⁴⁴ «The Medusa» от 12 июня 1819 г.; ср. 13 апреля 1819 года, стихотворение «Rights of Man». Идея, что собственность на землю не должна быть монополией немногих, выдвигалась и на митингах в промышленных районах; см. собрание в Глазго («The Times» от 1 сентября 1819 года).

⁴⁵ «The Medusa» от 25 мая 1819 года.

⁴⁶ «The Republican» от 24 сентября 1819 года.

⁴⁷ «The Black Dwarf» от 1 июня 1824 г.; «The Republican» от 14 января 1820 года.

⁴⁸ На митингах сторонники насильственных действий обычно прямо призывали народ к достижению реформы при помощи «физической силы». См., например, митинг в Гердерсфилде 19 августа 1819 г. («The Times» от 25 августа 1819 г., «The Morning Chronicle» от 25 августа 1819 г.). Ноябрьские митинги в 1819 г. в Ланкашире («The Times» от 22 ноября 1819 г. и др.), в Лидсе в начале декабря 1819 г. и др.

только допустимым, но и целесообразным, хотя на практике выражала желание, чтобы дело до него не дошло, или указывала на несвоевременность выступления в данный момент. Верно, однако, что, как правило, радикальную реформу противопоставляли революции. «Единственный способ, — читаем мы в одном из стихотворений, печатавшихся Вулером, — предупредить страшную бурю мятежа — это... провести радикальную реформу»⁴⁹.

Какими же методами в таком случае принудить «торговцев бургами» уступить народным требованиям?

Во-первых, массовыми петициями в пользу реформы. Этот путь был особенно популярен в 1816—1817 гг., когда движение ставило своей целью подачу грандиозной петиции в парламент. Однако репрессии и полное невнимание к представляемым петициям разочаровали радикалов в этом средстве. «Зачем подавать петиции этому самозванному парламенту? — писала газета Вулера. — Как можно рассчитывать, что состоявшийся из «торговцев бургами» парламент, кровно заинтересованный в сохранении существующей системы, станет прислушиваться к народным мольбам?»⁵⁰. Но, отказавшись от петиционной кампании и оставаясь в рамках «легализма», радикалы были бессильны найти другой способ воздействия на депутатов и министров. В явном противоречии с собственными же заявлениями они предлагали лишь новые формы той же петиционной тактики⁵¹.

Имелись и такие предложения, как отказ от уплаты косвенных (воздержание от потребления напитков, обложенных акцизом, и т. д.) и даже прямых налогов. Подобная тактика, по мнению некоторых радикалов, должна была расшатать самые основы и без того уже подорванной финансовой системы, созданной «торговцами бургов»⁵².

Радикальные лидеры, среди которых имелось достаточно серьёзных политиков и людей, искренне преданных своему знамени, не замечали лишь тем, что радикалы создали теорию, которая оправдывала их недостаточно решительную позицию в борьбе с правительством. То была теория, так сказать, «автоматического краха» олигархической системы. Она вытекала из радикальной теории кризисов. Ещё в годы наполеоновских войн Пэн доказывал, что бумажные деньги связаны с неизбежной инфляцией и хозяйственной катастрофой. Ту же мысль, хотя и в изменённой форме, высказывал Коббет, подчёркивавший органическую и необходимую связь существующей финансовой системы с господством олигархии. Крах олигархической системы наступит, когда рухнет её финансовая основа⁵³.

Вулер даже развивал теорию непрерывного, нарастающего кризиса. Налоги разоряют промышленность и создают тысячи пауперов, которых необходимо поддерживать на общественный счёт. Вся тяжесть налогов обрушивается теперь на ещё не разорённые классы общества. Число плательщиков налогов будет уменьшаться, а число пауперов будет

⁴⁹ «The Black Dwarf» от 23 июня 1819 года.

⁵⁰ См. особ. «The Black Dwarf» от 12, 26 февраля 1817 г., 24 мая 1820 г. и др. Ср. «Sherwin's weekly political register» от 25 июля, 22 августа 1818 г.; «The Gorgon» от 6 июня 1818 года.

⁵¹ Например, «The Black Dwarf» от 13 августа 1817 года. Следует отметить, что изредка мы находим в радикальной прессе статьи с замаскированным призывом к индивидуальному террору. Например, «Reformers Gazette» за июль 1819 г., «Sherwin's weekly political register» от 24 октября, 14 ноября 1818 г. (там же «Hansard's parliamentary Debates». Vol. 41, p. 598). Осенью 1819 г. часть радикалов открыто призывала к организации вооружённого восстания.

⁵² «The Medusa» от 25 сентября, 9 октября 1819 г. и прочие др. «The Black Dwarf» от 12, 19 января, 9, 23 февраля 1820 г., «The Republican» от 27 августа 1819 г., «The Cap of Liberty» от 8, 22 декабря 1819 г., «Home's Reformer's registers» от 8 февраля 1817 года.

⁵³ «Cobbett's weekly political registers» от 5 сентября 1818 года.

возрастать со всё увеличивающейся быстротой, пока вся нация, кроме «торговцев бургами», не превратится в нищих»⁵⁴.

В приведённых нами высказываниях слышны сильные фаталистические нотки. В действительности эти элементы фатализма были развиты значительно сильнее.

Радикалы, писала, например, газета «The White Hat», должны сохранять полное спокойствие. За них будет действовать (fight and gain their battles) прогрессивное падение поступлений от налогов⁵⁵.

Разумеется, на практике радикалы далеко отходили от подобных тактических «принципов». Но любопытно, что даже сторонники революционных действий не могли привести сколько-нибудь убедительных доводов, опровергающих неизбежные фаталистические выводы из этой своеобразной теории⁵⁶.

Исходя из этой теории неизбежной хозяйственной катастрофы, радикалы строили и свою тактику в отношении имущих классов, считая, что «забота о кармане» в конце концов неизбежно приведёт собственников в радикальный лагерь.

С этими тактическими положениями связано и отношение радикалов к сторонникам умеренной реформы, которых они считали своими союзниками, честными, но «заблуждающимися» людьми, и к обеим политическим партиям — тори и вигам. Торн были открытыми врагами. Отношение же радикалов к вигам станет понятным, если учесть, что радикалы вовсе не рассматривали партию вигов как представительницу интересов средних классов. Вот почему, надеясь привлечь на свою сторону буржуазию, радикалы не намеревались щадить вигов. Виги — это «волки в овечьей шкуре», такая же олигархическая группа, как и торн, они лишь стремятся сменить торн у власти и дорваться до казённого пирога⁵⁷.

Своё уклонение от выдвижения боевых социальных требований масс радикалы объясняли тем, что до проведения реформы вообще невозможно никакое улучшение положения масс. Но кроме того, что радикальные торн стремились превратить лозунг реформы в единственное требование движения, немалое значение здесь имело, и то не всегда, вслух произносимое соображение, что выдвижение «частных» требований легко могло бы повести к разногласиям и расколу довольно пёстрого по составу радикального лагеря⁵⁸.

В заключение отметим, что бросающаяся в глаза неопределённость тактических положений английских радикалов ослабила и без того вялую (по крайней мере до осени 1819 г.) деятельность по созданию организованной радикальной партии.

⁵⁴ «The Black Dwarf» от 12 февраля 1817 г.; ср. от 22 октября 1817 года.

⁵⁵ «The White Hat» от 6 ноября 1819 года.

⁵⁶ «Правительство скоро потерпит крах от недостатка (денежных) средств, но должны ли мы дожидаться этого времени?» — писал «Sherwin's weekly political register» от 12 июля 1817 года. Тисльвуд доказывал, что «мыльный пузырь» олигархической системы может держаться ещё долго, возможно, до той поры, пока нынешнее поколение не сойдёт в могилу» («The Times» от 25 октября 1819 года).

⁵⁷ «The Black Dwarf» от 1 июля 1817 г., 17 октября 1821 г.; «Sherwin's weekly political registers» от 8 августа 1818 г.; «The Medusa» от 17 апреля 1819 г.; «The White Hat» от 16 октября 1810 г.; «The Republican» от 11 февраля 1820 г.; «The Cap of Liberty» от 10 ноября, 8 декабря 1819 г.; «Cobbett's weekly political registers» от 14 августа 1819 г., 15 апреля 1820 г.; W. Carpenter. The outline of British constitution, or The poor man's political library etc. 1819, p. 27, 29 и сл. Иногда утверждали, что виги — ещё худшие враги реформы, чем торн, например, резолюции митинга в Ноттингеме («The Times» от 22 июля 1819 г.). Даже близкая к бентамистам «Горгона» от 23 мая 1818 г. писала, что обе «олигархические» партии достойны друг друга, «но проклятие лицемерия и отступничества свойственно исключительно вигам».

⁵⁸ Желание не мешать складыванию единого фронта против олигархии привело радикалов к стремлению строго отделить экономическую борьбу пролетариата от политической, что увеличилось успехом отчасти благодаря параллельному стремлению части рабочих ограничить себя экономической борьбой и не вмешиваться в политику.

Радикальная программа представляла собой неизбежное и закономерное явление ранней стадии движения пролетариата и полупролетарских масс, боровшихся тогда в союзе с частью мелкой буржуазии и мелкой промышленной буржуазии против блока крупных землевладельцев и крупной буржуазии.

На том историческом этапе, который мы в данном случае рассматриваем, пролетариат, оказавший большое влияние на выработку радикальной программы, не сформировал ещё своей классовой идеологии. Тем менее он мог быть идеологическим гегемоном демократического блока. Эту роль играли лондонские мелкобуржуазные радикалы. Вот почему платформа радикального лагеря прошла мимо достижений английской социалистической мысли. Однако давление масс, давление пролетариата, не только способствовало более острой постановке экономических требований в программе демократического блока и усилению резкости его политических лозунгов, но и привело к процессу хотя ещё и недостаточно чётко намеченной, но всё же обозначившейся дифференциации внутри радикального лагеря и к формированию платформы левого радикализма. Левые радикалы, к которым следует отнести таких людей, как Уотсон, Тистльвуд, Карлайль, Шервин, Джозеф Джонсон, Дэвисон (издатель «*Cap of Liberty*» и «*The Medusa*»), священника Гаррисона, а также отчасти Вулера, Гента и Коббета, не говоря уже о многочисленных лидерах радикалов в промышленных районах, не порывая с общими догмами радикализма, вкладывали особое содержание и смысл в формулу «реформы».

Для левых радикалов характерно стремление теоретически обосновать необходимость народного, «плебейского» характера борьбы за реформу. Для левого крыла движения требование реформы парламента было программой коренных политических преобразований посредством нажима извне, а не путём октроированных олигархией реформ. Завоевание политической власти уже мыслилось левыми радикалами (правда, в редких случаях и непоследовательно) как «решительное преобладание» в парламенте рабочего класса, широких трудящихся масс. Завоевание политического равенства левые рассматривали не только как цель, но и как средство коренного улучшения материального положения масс. Таким образом, для левых радикалов характерно наряду с борьбой за общие буржуазно-демократические требования отстаивание интересов низов. В этом отличие левых радикалов и от социальных и социалистических теоретиков того времени, отказывавшихся от политической борьбы за общедемократическую программу, и от буржуазных радикалов, рассматривавших реформу лишь как средство уничтожения политического неравенства. Но настроения и чаяния рабочих масс даже в платформе левых радикалов не получили полного и неискажённого выражения. И у левых радикалов программа демократического блока выглядела, употребляя слова марксовой характеристики Коббета, скорее как «политическая хартия мелкой промышленной буржуазии, чем промышленного пролетариата»⁶⁹.

Все эти соображения позволяют установить место радикальной идеологии посленаполеоновского периода в истории английской демократической мысли XIX века.

Агитация за парламентскую реформу в период борьбы за билль 1832 г. почти во всех своих основных моментах исходила из положений радикальной платформы, причём, разумеется, радикальные положения приобрели совсем иной смысл в устах буржуазных идеологов, возглавивших движение 1830—1832 годов.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 178.

Чартизм, первое в истории самостоятельное политическое движение пролетариата в масштабах целой нации, тоже немало взял от радикализма. Традиции, унаследованные чартистами от предшествующего демократического движения, были не всегда положительными; примером тому служат хотя бы легалистские иллюзии и отрицательное отношение к организации настоящей партии.

Но чартисты заимствовали у радикализма не только мелкобуржуазные иллюзии. Радикальная идеология вырабатывалась под влиянием народных масс. Чартизм поэтому мог использовать некоторые элементы радикальной идеологии для выработки своих социально-политических воззрений и программы. (Мы имеем здесь в виду, разумеется, не знаменитые пункты хартии, которые были наследием демократической партии XVIII века.)

Идея перехода политической власти к трудящимся, ставшая аксиомой для большинства чартистов, хотя и непоследовательно, выдвигалась уже некоторыми левыми радикалами. В известной мере сходно и отношение радикалов и большинства чартистов к обеим партиям правящих классов — к тори и вигам, к пропаганде оуэнистских планов. Антирелигиозная агитация Карлайля служила, вне сомнения, стимулом для пропаганды атеизма в чартистскую эпоху и т. д.⁶⁰

Однако, объявив открытую войну буржуазии, чартисты поднялись в лице своих наиболее талантливых мыслителей до такого понимания сущности всех социальных и политических институтов буржуазного государства, которое было абсолютно недоступно радикалам.

⁶⁰ Некоторые лидеры радикалов играли большую роль и в эпоху 30-х годов (Бен-бу и др.). Многие чартистские вожди прошли школу радикализма (О'Брайен был учеником Коббета и в особенности Гента).